

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г.Х. ШАХНАЗАРОВА¹

Аннотация. В статье известный политический деятель, член-корр. АН СССР и РАН Г.Х. Шахназаров делится своими воспоминаниями о годах учебы в аспирантуре Института права Академии наук СССР (ныне – Институт государства и права РАН), об атмосфере, царящей в стенах этого научного учреждения, а также о его сотрудниках, составлявших цвет отечественной юриспруденции того периода.

Ключевые слова: Институт права, Ученый совет, аспирантура.

For citation: Из воспоминаний Г.Х. Шахназарова // Государство и право. 2022. № 2. С. 279–289.

DOI: 10.31857/S102694520019326-9

FROM THE MEMOIRS OF G. KH. SHAKHNAZAROV²

Abstract. In the article, a well-known political figure, a Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences G. Kh. Shakhnazarov shares his memories of his years of study at the postgraduate Institute of the USSR Academy of Sciences (now the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences), about the atmosphere prevailing within the walls of this scientific institution, as well as about its employees who made up the color of domestic jurisprudence of that period.

Key words: Institute of Law, Academic Council, graduate school.

For citation: From the memoirs of G. Kh. Shakhnazarov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 279–289.

В Москве. Ученье

Как ни гордился я бакинским «интеллектуальным шармом», столица есть столица, она сразу ставит на место самоуверенных провинциалов. Устроившись жить у родственника, я без промедления отправился сдавать вступительный экзамен в Институт философии Академии наук. Хотя и окончил юридический факультет, в душе считал себя

политологом, а эту науку относил к философии. На орденские ленточки не надеялся, готовился беззаветно, проштудировал «основоположников», почитал Чернышевского, кое-что из Канта с Гегелем, даже полистал диалоги Платона. С тем отправился на Волхонку, не допуская мысли об осечке.

Заносчивость меня и погубила. Не думаю, чтобы юные выпускники московских школ, получившие в тот день проходной балл, уж очень превосходили меня познаниями и способностью мыслить. Но они были вежливы, а я дерзок. Экзаменатор, тучный рыжий невзрачный очкарик, выслушав без замечаний мой ответ по билету, задал вопрос: «Сколько глав в Анти-Дюринге?» Я назвал наугад

¹ Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2001. № 1. С. 118–126.

Аннотация и ключевые слова составлены кандидатом юридических наук Н.В. Кротковой.

² The article was published in the journal “State and Law” (2001), No. 1, pp. 118–126.

Abstract and key words were compiled by PhD in Law N.V. Krotkova.

и промахнулся. Еще пара вопросов по существу, с которыми я легко справился.

Тогда он опять подставил подножку: «Сколько у Ленина “Писем из далека”?» Тут уж я взорвался: «Послушайте, я пришел сюда сдавать философию, а не арифметику!» Разозлившись, он стал откровенно меня «сыпать». В итоге – тройка. Сдавать дальше не имело смысла, возвращение в Баку исключено. Решил рискнуть еще раз, вооружившись горьким опытом. Философа из меня не вышло, вдруг повезет на другом поприще. Понес документы в Институт права (теперь – государства и права), благо что с Волхонки до улицы Фрунзе (теперь – Знаменки) рукой подать.

Встретили меня на удивление радушно и предложили завтра же сдавать... философию. Э, нет, это удовольствие лучше оставить на десерт, а начать с английского, поскольку благодаря курсам чувствовал себя уверенно. Правда, Диккенс был мне не по зубам – на одной странице находил до полсотни незнакомых слов, зато Оскара Уайльда читал бегло – вот как надо писать! Короче, своими познаниями я поверг в шок приемную комиссию и получил в зачетной книжке первую пятерку. Дальше подтвердилась формула: деньги к деньгам, пятерки к пятеркам. Сдавая теорию государства и права, я еще малость волновался, а на философии разошелся, начал сыпать цитатами, молодой симпатичный экзаменатор куда-то торопился, в ужасе замахал руками, потребовал зачетку, дружески мне подмигнул и вписал заключительное «отлично».

Вместе со мной в аспирантуру были приняты еще несколько «партизан», т.е. претендентов на свой страх и риск. В большинстве – выпускники московских вузов, явно превосходившие знаниями молодых людей из провинции, а в некоторых случаях и заручившиеся солидной протекцией. Среди них была чемпионка по конькобежному спорту, принятая, по-видимому, чтобы укрепить академическую команду. Вокруг нее постоянно гуртовались лица «кавказской национальности», любители пикантных историй из спортивной жизни. Популярностью пользовался рассказ о том, что каждый раз, когда муж начинает ей надоедать, она пинком отправляет его с кровати к противоположной стене. В подтверждение предъявлялись железные икры и желающим дозволялось их пощупать. Через год ее отчислили за несдачу кандидатского минимума.

Основную массу свежеиспеченных аспирантов составляли не «партизаны», а приехавшие из республик по «разнарядке». Баллы им натягивали, поскольку за каждым заранее закреплялось место. Отсылали ни с чем разве уж совсем темных, балбесов. Особенно большие группы прибыли из Грузии и Азербайджана. Всего же в тот год было принято

в аспирантуру института почти 100 человек. Такие же квоты выделялись и другим гуманитарным институтам, а уж технологическим, надо полагать, как всегда, в два-три раза больше.

Вспоминая об этом, не могу не отдать должное предусмотрительности властей. После опустошительной войны, косой прошедшейся и по научным кадрам, восстановить потенциал науки можно было только масштабным вливанием свежей крови. При всех тогдашних тяготах государство не остановилось перед значительными расходами. Аспиранты ведь получали по 780 рублей – такие деньги тогда зарабатывал не каждый специалист на производстве. Понятно, какая-то часть из этого массового «призыва» отсеялась, но большинство все-таки состоялось, оказалось способным переосмыслить неприкасаемую твердь нашего гуманитарного знания, подступить к его капитальному ремонту. Сходя теперь со сцены, оно вынуждено передавать эстафету главным образом внукам по возрасту, так как подготовить должным образом «среднее звено» не позаботились.

Итак, моим очередным шефом следовало считать директора Института права, члена-корреспондента Академии наук Евгения Александровича Коровина. С большой натяжкой, потому что Институт, как все важные идеологические учреждения, управлялся партийным бюро и находился под несусыпным контролем Киевского райкома КПСС. Кое-какой властью обладал Ученый совет, директор же, если и значил что-либо, умело это скрывал. Европейски образованный человек, свободно изъяснявшийся на нескольких языках, говорили, лучший по тем временам в Союзе знаток международного права, он часто выезжал в зарубежные командировки, а с 57-го года до кончины представлял СССР в Постоянной палате Третейского суда. За все время учебы мне посчастливилось пару раз увидеть его в Институте – всегда торопящегося и, несмотря на солидную комплекцию, прыгавшего по лестнице через ступеньку.

Правда, однажды мы его, что называется, «застукали». Мэтр завел интрижку с молоденькой кандидаткой наук и, опасаясь нескромных взоров, выбрал для свидания ресторан «Якорь» на улице Горького – ныне там располагается Палас-отель. Худшего не мог придумать – как раз в этом здании размещался так называемый Дом для приезжающих ученых, в просторечии – аспирантское общежитие Академии... Вдобавок, подслеповатый академик, а может быть, и не помнящий в лицо подопечных, усадил свою даму и стал с ней флиртовать через столик от нашей компании. Пришлось незаметно ретироваться, чтоб не ввести в конфуз почтенного человека.

Я благодарен судьбе за три аспирантских года. Прежде всего за возможность общаться с людьми, составлявшими цвет российской юриспруденции. Не стану даже их перечислять, скажу только, что все тогдашние крупные теоретики права либо значились сотрудниками Института, либо регулярно в нем бывали, участвуя в заседаниях Ученого совета и различных дискуссиях. Не проходило дня без какого-нибудь знаменательного события. То «сам» Андрей Януарьевич Вышинский пожалует просветить ученую братию. То схватятся два блистательных полемиста, — разинув рты, как завороженные, следим за искрометной интеллектуальной дуэлью. То на партийных собраниях, продолжающихся по два-три дня, косят друг друга враждующие группировки и научные «школки», обвиняя в невежестве, догматизме, ревизионизме и прочих смертных грехах.

Бездна эрудиции. На заседании сектора теории историк Галанза мимоходом замечает, что «еще Максим Ковалевский сказал... цитирую по памяти...». Заведующий сектором, любознательный Гаврила Иванович Федькин удивленно вопрошает: «Неужто так и сказал?» Галанза, не отвечая, обращается к одному из аспирантов: «Голубчик, сходите в библиотеку, найдите там работу Ковалевского “От прямого народоправства к представительному”, если память мне не изменяет, на такой-то странице должна быть эта мысль». Память ему не изменяет.

Каскады остроумия. Степан Федорович Кечекьян при обсуждении вопроса о происхождении русского государства сочувственно излагает концепцию, согласно которой россы были рабами в каком-то нордическом племени, рассорились с господами, ушли на юг и основали собственное государство. Владимир Покровский возмущается: «Что же, мы, русские, по-вашему, происходим от рабов?!» «Не вижу ничего обидного, — отвечает Кечекьян, — на вашем месте я, как марксист, гордился бы, что не от рабовладельцев».

Вагон желчи. В ходе заседания Ученого совета, переходящего в разбор персональных дел на партбюро, два ведущих специалиста по колхозно-земельному праву, свирепые соперники, обмениваются сначала аргументами, потом инвективами и личными оскорблениями. «Какую еще позицию может занять мой оппонент, если он сын кулака и кулацкий нрав унаследовал по наследству!», — ехидничает один. «Да, я сын кулака, и как только начал понимать это — ушел из семьи. Я был сыном кулака, но никогда не был сукиным сыном, как мой оппонент».

Обоим вlepили по строгачу.

Вообще достаточно было пошататься по коридорам старинного особняка или потолкаться в буфете, чтобы собрать баул оригинальных мыслей, тонких намеков и язвительных шуток. Но мое восхищение блестящими столичными мудрецами

достигло апогея, когда в Институте была организована научная конференция по поводу очередной гениальной работы товарища Сталина. Под новый год вождь, по заведенному обычаю, давал интервью японскому агентству «Кнодо Цусин». На вопрос корреспондента: «Можно ли предотвратить новую мировую войну?» (цитирую по памяти) тот ответил: «Да, можно». «А что для этого надо сделать?» «Надо, чтобы народы взяли дело мира в свои руки и отстаивали его до конца».

Представьте тех же Коровина, Галанзу, Кечекьяна и прочих светил права, выступающих с докладами по этому поводу. Я искренне жалел их и в то же время с любопытством думал, как же они выкрутятся. Никакого смущения. Один за другим выходили на трибуну, произносили обязательный панегирик, а потом говорили, что кому нравится. Один поведал, что первым борцом за вечный мир в Европе был чешский просветитель Ян Амос Каменский. Другой — тот самый правовед-аграрник — доказывал преимущества коллективной формы землепользования. Третий ударился в разоблачение поджигателей войны.

С тех пор я перестал чему-нибудь удивляться. Раз и навсегда усвоил, что высокому сообществу ученых одинаково подвластны и пылливый поиск истины, и искусство мимикрии. Они, за редкими исключениями, научились переключаться с одного занятия на другое без усилий, как переходят с языка на язык люди, усвоившие оба с детства. А иные виртуозы наловчились соединять их в один «новояз», сопровождая каждую мысль оговоркой. «Я думаю..., но, возможно, ошибаюсь». Еще лучше помянуть утверждение и опровержение местами: «Возможно, я не прав, но мне кажется...». Догадайся Андрей Платонов заглянуть в наш Институт, у него был бы материал для написания второй части «Чевенгура» — на сей раз из научной жизни.

Молодежь, по обычной своей беспечности, позволяла себе иронизировать над духом раболепия, пока не получила предметного урока. Один из аспирантов был арестован за антисоветские высказывания, распространился слух, что это было сделано по доносу Серафима Александровича Покровского. Очень неглупый человек. Покровский имел несчастье вступить в полемику с самим Сталиным, поплатился ссылкой и был там завербован, получив взамен возможность вернуться в Москву. То ли сам вошел во вкус, то ли от него требовали периодических жертвоприношений для выполнения плана борьбы с антисоветчиками (я склоняюсь ко второй версии), не имело принципиального значения. Все осознали, что среди нас стукач, атмосфера в Институте омрачилась. Мало кто был посвящен в «догадку», чьих рук это дело. Даже те, кто знал, предпочитали помалкивать: спасая из

альтруистических побуждений других, можно нарваться еще на какого-нибудь скрытого доносчика.

Меня предостерег Борис Назаров – добрый малый из состоятельной по меркам того времени московской семьи. Отец его был председателем коллегии адвокатов, располагал по роду своих занятий обширными связями и, вероятно, получил сигнал от доброжелателя для передачи сыну-аспиранту. В свою очередь, я поторопился поделиться с моим другом Федей Бурлацким, нигде его не нашел и уже собирался идти по своим делам, как наткнулся в коридоре на Покровского. Мы с ним поболтали о том, о сем, тут откуда ни возьмись появляется Федор. Вот и принимайте потом за безвкусный вымысел странные совпадения, случающиеся в детективах, когда автор по прихоти сюжета сводит в одно место и час всех нужных персонажей.

Серафим Александрович, милейший мужчина с бородкой а ля Троцкий, любил общество молодых, говоря, что с ними сам «освежается душой». Зная о стесненном (изысканное определение!) материальном положении аспирантов, он пригласил нас пообедать в Доме журналистов. За обедом поинтересовался нашим мнением о текущих политических событиях. Федя поддался на удочку и начал делиться своими, отнюдь не ортодоксальными воззрениями. Мне пришлось наступить под столом ему на ногу и одновременно перевести разговор на другую тему. Через некоторое время Серафим повторил заход. На этот раз я с такой силой вдавил каблук в ногу Федора, что он вздрогнул и, наконец, сообразил, в чем дело.

Этот эпизод описан в одной из его книг³, так что желающие могут сверить два изложения. Бурлацкий даже считает, что я тогда спас ему жизнь, а мне порой приходит в голову, что Серафим, выполнив свою «норму», не собирался нас сдавать, а действительно интересовался, как настроена молодежь. Наверняка он оставался в душе оппозиционером и искал хоть какого-то оправдания своей опоганенной жизни. Спустя несколько лет, когда все это выплыло наружу, уверял, что отводил, как мог, удар от самых достойных. Очевидно, это можно было делать, «закладывая» никчемных. Оправданице.

Но вот что любопытно. При тиране Сталине политическая жизнь была намного интенсивней, чем при милейшем Леониде Ильиче. В 70-е годы на партийных собраниях царил откровенная сценка – не было нужды кого-то преследовать и что-то запрещать, поскольку все раз и навсегда согласилось, что это не место для «разборок». У партийного актива отбили охоту делиться с товарищами сомнениями, искать их поддержки, рассуждать вслух.

³ См.: *Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники*. М., 1990. С. 22.

Может быть, где-то в глубинке дело обстояло иначе, не спорю, я говорю о партжизни в аппарате ЦК и некоторых академических институтах, где пришлось бывать по долгу службы.

И как же отличались от этого парадного действия, проходившего по заранее заготовленному и утвержденному начальством сценарию, баталии, на которых сановитые учёные вступали в перепалки, полагаю, не менее страстно, чем в периоды борьбы с «рабочей оппозицией», троцкистами, бухаринцами и прочими нечестивцами. Атмосфера особенно накалялась при пере выборах партийного бюро. Ведь тогда это была реальная власть, ни одного приказа директор не мог подписать без согласия партийного секретаря, а на характеристиках, рекомендациях и других важных для самочувствия документах – и «тройки», т.е. добавлялся председатель профсоюзной организации. Влиятельные группировки старались протолкнуть «своих» и просто с целью не пропустить «чужих», которые, получи они перевес, могли при случае сильно навредить. В результате голосование затягивалось до поздней ночи, приходилось бесконечно переголосовывать, а иной раз и переносить финал на следующий день.

Не обходилось без шуток. Был среди нас велико-возрастный аспирант Глинка. Прямой потомок великого композитора не отличался ни талантом, ни трудолюбием – так и просидел аспирантский срок, причем не первый, не сдав кандидатских экзаменов. Но человек был душевный: выпивоха, острослов, гостеприимный хозяин, охотно устраивавший посиделки в своей уютной квартире. Так вот, каждый раз при оглашении результатов голосования объявлялось: «И один голос за Глинку». Встречалось общим смехом и несколько разряжало атмосферу. Раз и я вписал его фамилию, ожидая, что теперь за Глинку будет два голоса. Нет, опять один.

Уже на первом году аспирантской жизни меня избрали секретарем комсомольской организации и одновременно поручили заведовать агитпунктом. Под него отдали большую светлую комнату на первом этаже, таким образом я стал обладателем кабинета, почище директорского. Посетители не докучали – изредка заглянет пенсионер с просьбой о материальной помощи или женщина с ребенком, умоляя предоставить давно обещанную жилплощадь. Просьбы и жалобы передавались в райком и исполком. Как правило, не оставались без ответа: пенсионеру в разовом порядке выдавали на бедность двести рублей, женщины в очередной раз ставили в очередь. Мои агитаторы знали жителей своего участка в лицо, налаживали с ними добрые отношения, чтобы не подвели, явились «исполнить гражданский долг». Отличился мой земляк Фирудин. Получая от отца, председателя колхоза,

увесистые посылки с фруктами, раздавал их «своим» избирателям и в день выборов привел всех до единого за час до начала голосования, а затем без обиняков потребовал, чтобы этот пример политической активности советских людей был отмечен всенародно. Мы сообщили об этом в сводке, отсылавшейся в райком, на другой день наш герой мог прочитать свою фамилию в «Правде», а в его селе по этому поводу устроили байрам.

В качестве комсомольского вожака мне пришлось часто бывать в райкоме, выполнять всевозможные поручения: быть бригадиром на уборке картофеля в подмосковном совхозе и звеньевым на строительстве университета, опекать гостей молодежного фестиваля, в составе райкомовской комиссии проверять работу комсомольской организации в других академических институтах. На различных постах в райкоме было немало славных ребят. Тогда еще не выкристаллизовался тот тип комсомольского бюрократа, который стал притчей во языцех в семидесятые годы, в секретарях ходили не успешные «забронзоветь» вчерашние офицеры-фронтовики, ударники производства, бойкие выпускники московских вузов. Меня тоже пытались перетянуть к себе, суля начать карьеру аж со второго секретаря РК. Я вежливо отклонил эту честь.

Много времени отнимали свои. Почти все аспиранты носили комсомольский значок, члены Бюро должны были выслушивать их жалобы, хлопотать об устройстве в общежитие, разбирать склоки, увещевать нерадивых, поддерживать дух у тех, кто, завалив кандидатский экзамен, готов был повеситься. Словом, выполняли роль строгих, но заботливых родителей. Правда, в основном для иногородних.

Москвичи держались независимо. У них было неоценимое преимущество — возможность жить дома, быть избавленными от постоянного изнурительного поиска — где спать, что есть, как постираться. Немало весило и усвоенное чуть ли не с пеленок знание городской культуры. Она ведь своя у каждого большого города, у столицы — тем более. Как принято, считается нормальным в Москве говорить, вести себя на улице, в магазине, ресторане, общаться с сослуживцами, что здесь принимается за проявление дурного вкуса, где дешевле починить прохудившиеся брюки, как быстрее добраться от центра до станции «Удельное» Казанской железной дороги, где поначалу поселили приезжих, — непосвященные во все тонкости московской жизни могли стать предметом насмешек и даже влипнуть в неприятную историю. Конечно, свыкнуться с городом — не Бог весть какая сложность, гибкие натуры через полгода-год чувствовали себя в Москве как рыбы в воде, могли сойти за москвичей больше, чем иные коренные столичные жители. Были,

однако, и такие, кто все три аспирантских года прожил заезжими туристами.

Мне настраиваться на московскую волну не пришлось — здесь у меня было много родственников по материнской линии (Даниэлянцы), я гостил у них по несколько недель. Запомнился эпизод. Мне 13 лет, разгуливаю по центру, дивясь красивым зданиям и глазами на витрины. Покупаю с лотка французскую булочку с горячей котлетой (их называли «микояновскими»). Лакомлюсь арбузом, который продавался тогда ломтиками. Так дохожу до «Ударника», где на щите читаю: «Большой вальс». Захожу в зрительный зал, гаснет свет. На экране появляются ослепительная Милица Коряус, обаятельный Жюльен Дювивье, и два часа льются потоком волшебные мелодии. Многие мои сверстники писали, что этот фильм буквально потряс их (например, Юрий Нагибин). Готов подтвердить. Я вышел из кинотеатра ошеломленный, немедленно приобрел на остатки денег, ссуженных дядюшкой, билет и поторопился на второй сеанс. В последующие дни моего пребывания в столице еще несколько раз побывал в «Ударнике». После войны, в Баку, компанией ходили в сад, усаживались на скамейки дощатых стен летнего кинотеатра, слушали дивную музыку, соревновались, произнося реплики, которые должны были последовать. И сейчас я несколько раз в год просматриваю пленку с любимым фильмом, он возвращает мне ощущение молодости. Может быть, мания? Что же, дай Бог каждому занять такую.

Итак, я без усилий «вписался» в московскую жизнь. Это по-своему выразилось в том, что аспиранты-москвичи быстро приняли меня за своего. Вообще-то ребята были воспитанные, старались не заноситься, но ощущение своего превосходства, как его ни скрывай, нет-нет да вырвется наружу. Подмывает ведь блеснуть эрудицией, чтобы утереть нос грузину, не читавшему в подлиннике Локка и Монтескье, но нахально отбивавшему у вас красивых девушек. Или поиздеваться над корейцем, который никак не овладеет шипящими. Его невинно спрашивают, знает ли он, где город Мытищи. Мытиси? — переспрашивает он, не чувствуя подвоха. — Мытиси не знаю. — А Пушкина читал? — Пуськин? Читал, читал!

Впрочем, подобные развлечения не нарушали аспирантского товарищества. Москвичи помогали иногородним подыскать жилье, натаскивали перед сдачей зачетов, исправляли грамматические ошибки в рефератах, приглашали отошавших коллег на сытный домашний обед. Иногда звали и позаниматься вместе. У нас образовался небольшой кружок. Борис Назаров, Вера Малькевич, Коля Микешин, Валя Клеандрова. Спорили «по науке», обсуждали институтские события, вполне

откровенно, не боясь, высказывались «по политике». Отношения — самые целомудреннейшие, флирт и развлечения только на стороне.

С Микешиним нас связывали приятельские отношения долгие годы. Вместе трудились в Политиздате и жили год в одном дачном домике в Кратово. Позднее вновь «сошлись» в редакции международного журнала в Праге. Признаться, я был шокирован, когда уже после смерти Николая прочитал в журнале «Наш современник» статью его дочери с самыми злобными на себя нападками, какие пришлось когда-либо слышать. Через некоторое время еще одна статья с тем же градусом ненависти, если не больше. Чем это я так досадила милой Танечке, которую знал с четырехлетнего возраста? Сознаю, это не довод в политической полемике. И все-таки...

Состоялся ли наш «аспирантский набор»? В общем, да. На глазок, две трети остепенились, треть вышла в доктора наук. Борис Назаров возглавлял Комитет по защите прав человека. Исмаил Алхазов был членом Верховного Суда СССР. Леван Алексидзе стал помощником по международным вопросам у двух президентов Грузии. Ираклий Сакварелидзе занимал высокий пост в Совмине республики. Гиви Инцкирвели был ректором Тбилисского университета. Несколько наших аспирантов из Среднеазиатских республик работали министрами юстиции, председателями Верховных судов, республиканскими прокурорами. А те, кто избрал научное поприще, оставили заметный след в юридической литературе и законодательной практике.

Но, за редкими исключениями, это поколение не дотянуло до перестройки или, встретив ее на пенсии, осталось в стороне от накотившейся на страну бури. Валерий Савицкий, Александр Максимович Яковлев, Александр Собчак, Сергей Шахрай, Сергей Станкевич и другие юристы, «сходившие» с ее помощью во власть, были уже из другого поколения, по большей части — не из того гнезда.

Сказал и задумался: а Федор Михайлович Бурлацкий не сходил во власть? Формально, да: заведовал консультантской группой в отделе ЦК КПСС. По существу, нет. Посидеть в кабинете и походить по коридорам здания на Старой площади ему довелось недолго. А ведь мог, будь похитрей. Ему благоволители поначалу многие на «верху», надо было только не слишком «засветиться» в критицизме либо, напротив, идти уж в открытую, как диссиденты. Бальзак сказал, что во французское высшее общество можно было проникнуть двумя способами: вползти змеей или ворваться пушечным ядром. У нас до перестройки можно было только змеей, а после — ядром. Федор Михайлович, вероятно, как и ваш покорный слуга, завис между этими двумя крайностями. Ну и что? Написал

несколько отличных книг, поучаствовал в политических схватках, позанимался вволю спортом. Мы с ним с аспирантских времен соперничали. По-моему, я его перебивал в шахматы и настольный теннис, он меня — во всех остальных видах.

В последние годы мне крайне редко, но все же приходилось бывать в особняке на Знаменке, и всякий раз открытая Марселем Прустом «память чувств» рисует картину читального зала с согнутыми над книгами аспирантскими спинами. Верхний свет погашен, маленькие лампы на столах вырывают из темноты сморщенные в творческом усилии лбы. Скрипят перья, мудрые мысли из старинных фолиантов перекочевывают в линованные школьные тетрадки. Они найдут место в диссертациях, в редких случаях — послужат удобрием для взращивания какой-то новой идеи. Можно подойти к библиотечарше, спросить, что нужно, но шепотом. Как в храме. Нельзя отвлекать верующих от молитвы, аспирантов от ученья. Они сами отвлекаются, да еще как!

Нужно добывать хлеб насущный. 780 рублей стипендии — приличные деньги, при том, что в институтском буфете можно перекусить за трешку, пачка пельменей стоит пятерку, столько же сто граммов деликатесов — буженины, черной икры, севрюги горячего копчения; бутылка водки — 6 рублей, автомобиль «Волга» — 16 тысяч. Но из стипендии вычитается подписка на очередной заем, раз в неделю надо сходить в баню и заплатить четвертак уборщице тете Маше, подрабатывающей стиркой белья. Что-то регулярно случается с туфлями и единственным комплектом верхней одежды, сам не можешь поправить — иди в мастерскую. Проезд на городском транспорте и электричке тоже не бесплатны. Есть потребность сходить в кино и сводить в театр знакомую девушку. Глядишь, уже к середине месяца в карманах пусто, бери, где сумеешь, в долг, иначе зубы на полку. Можно, конечно, напроситься в гости к родственникам, но частить неприлично. Мы бедные, но гордые.

До сих пор кажется фантастикой, как мы ухитрились прожить вторую половину месяца. Во многом выручала развитая кредитная система. «Стреляли» друг у друга, у соседей-философов, у той же тети Маши и сторожа дяди Коли. А самые нахальные брали в долг у научных сотрудников, в том числе — своих научных руководителей. Эту жилу открыл Ефимов. Длинный, худой, с волосами цвета соломы и озорными глазами, неизменно в кирзовых сапогах и гимнастерке, туго затянутой армейским поясом с бляхой, жизнерадостный, умный, может быть, самый талантливый из всего набора 1949 года и, к несчастью, — запойный пьяница. Как только мы ни старались его излечить — все впустую. Увещевания воспринимал благосклонно, каялся, клятвенно

обещал завязать, а назавтра за свое. Пытались даже на пересменку держать его под надзором. Куда там! Отвернешься, он уже мчится в ближайший ларек хватить 200 граммов с прицепом, т.е. кружкой пива или томатного сока.

Кончил плохо: оставшись один в общежитии, собрал одеяла, белье, какую-то утварь, продал на рынке, напился до бесчувствия и завалился спать. Два дня не мог очухаться. Его судили, срока за хищение не дали, пожалели фронтовика, отослали на принудительное поселение, кажется, в Салехард. Через несколько дней после отъезда я получил письмо, в котором он просил у коллектива прощения, а полагавшуюся за месяц последнюю стипендию «завещал» раздать заимодавцам. Обойдя Институт, я установил, что к ним относятся директор, заведующие секторами и добрая половина научных сотрудников. Общая сумма долга перевалила за 3 тысячи рублей, а остатки от стипендии после вычета стоимости одеял – 150 рублей. Примерно столько же Ефимов позаимствовал у меня и других аспирантов. Посоветовавшись, мы рассудили, что преимущественное право на возмещение убытков имеют самые бедные. С этим согласились и крупные кредиторы: давая Ефимову займы, они и так не рассчитывали получить что-либо обратно. Мы отправились в Домжур и посидели за рюмкой водки, вспоминая эту бедовую голову.

Спустя три года Ефимов внезапно появился в Кратово, где мы с женой снимали комнатку. Так я и не понял – не то отпустили, не то сбежал. Побыл с нами день, переночевал и исчез – на сей раз бесследно.

Признаюсь, поначалу мне было очень туго. «Первогодкам» не полагалось общежития – Академия не хотела выбрасывать деньги на ветер, как правило, отсеивались случайные «ходоки» в аспирантуру. Сдавших кандидатский минимум уже можно было дотянуть до диссертации, выполнить тем самым государственный план по подготовке квалифицированных специалистов. Вот о них стоило позаботиться. Пришлось мне принять предложение В. Буздакова, с кем мы вместе приехали из Баку, и снять на двоих комнату в доме на улице Горького, выходящем одной стороной на Пушкинский бульвар. Что и говорить, место – лучше не придумаешь, комната уютная, хозяйка доброжелательная старушка. Одна беда – платить приходилось по 250 рублей каждому. Для Буздакова, отец которого, председатель бакинского горисполкома, ежемесячно высылал сыну тысячу рублей, это ничего не значило. Для меня, чьи родители сами нуждались в помощи, такой расход был куда как ощутимым. Вдобавок, он любил поговорить и, вернувшись поздно вечером домой после сытного ужина в «Арагви» или другом близлежащем ресторане,

начинал делиться своими мыслями о странах народной демократии со мной, полуголодным, смертельно хотевшим спать. Однажды, вернувшись домой, я обнаружил под подушкой пустую винную бутылку. Попировав с девицей, сын бакинского мэра так подшутил над товарищем. Тут уж я не выдержал, придушил свою гордость и пошел просить партбюро о помощи.

Мне в виде исключения выделили койку в общежитии в Удельном, где Академия снимала дачные домики у частных хозяев. Удобств, понятно, никаких, кроме колодца во дворе и чуть подальше – выгребной ямы с водруженной над ней дырявой будкой. Дорога до Института отнимала полтора-два часа. Зато можно почитать в электричке, по выходным дышать свежим воздухом. И платишь за это удовольствие всего ничего.

Какая счастливая карта мне выпала – обнаружилось в первый же день моего пребывания в Удельном. Я приобрел там друзей на всю жизнь. Помню, приехал рано утром в будний день, комендант повел меня в один из домиков. В комнатке стояло четыре кровати, в трех – мирно спали черноволосые молодцы.

— Дрыхнут круглые сутки, – раздраженно сказал комендант, – неизвестно, когда учатся. – Разозлился и выкрикнул: «Подъем!» Поскольку никто не пошевелился, махнул рукой. – Устраивайся, можешь, ты на этих лодырей повлияешь.

Стоило ему выйти, как все трое поднялись, высказались об «этом болване» и стали знакомиться. Итак, Ким Георгий Федорович, в последующем заместитель директора Института востоковедения, доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук СССР. Сафарян Степан Рубенович, министр финансов и торговли Армянской ССР. Мунчаев Рауф Магомедович, директор Института археологии Академии наук СССР.

Бывает, людям нужны годы, чтобы понять и оценить друг друга. В молодости это происходит побыстрее. Нам понадобился один теплый день глубокой осени. Сначала мы отправились на рынок, расположенный в полутора километрах, у станции. Скинувшись, закупили продукты в ларьке, бутылку водки, чтобы отметить знакомство. После затянувшегося пиршества отправились гулять, присоединились к подросткам, гонявшим на полянке в футбол, с треском им проиграли. Завалились спать. Наутро стали шарить по карманам, чем позавтракать. Безуспешно. Но тут повезло. На первом этаже жили аспиранты из Средней Азии, организованные ребята, по очереди варили в ведре суп, потом дежурный подсчитывал стоимость варена и раскладывал на всю компанию. Получалось, скажем, по рублю 37 копеек. Рассчитывались ...

хотел сказать, как в банке, потом, вспомнив нынешние банки, постеснялся. Как в аптеке.

Так вот, Мунчаев вышел во двор, увидел ведро с жидкостью, решил, что какая-то бурда, и выплеснул, чтобы набрать воды в колодце. Выскочили таджики, пришли в отчаянье. Рауф извинился, пообещал возместить убытки с процентами, а заодно занял до стипендии сто рублей. В то время для нас сумма почти астрономическая. Тут же было решено ехать в Москву, прошвырнуться по Пикадилли — участку ул. Горького от Елисейского до Охотного. К утру следующего дня мы уже знали друг о друге почти все.

Д'Артаньяном в этой «мушкетерской четверке», одной из тех, что гуляют по романам и в бесчисленном количестве воспроизводятся жизнью, был Ким. Гу Фу, как мы его называли, обладал качествами прирожденного лидера. Без колебаний решал стратегический вопрос: пойти по девочкам или сесть за карты. Брался за организацию Нового года, прочих праздников и просто компанийских застолий. Проявлял участие и первым бросался на выручку товарищам. Чаше других водил в ресторан и щедро одалживал деньги, когда они заводились.

А это случалось у него чаще, чем у других. Ким занимался историей КНДР, был знаком с сыном Ким Ир Сена, тем самым, что заступил теперь место создателя «чучхе». С началом корейской войны у него не было отбоя от приглашений написать статью или прочесть лекцию. Как-то у него разболелись зубы, пришлось выступать с повязкой на щеке. Один из слушателей спросил, не вернулся ли уважаемый лектор прямо с фронта. Это частный вопрос, нашелся Ким, подойдите ко мне после лекции. Аудитория приняла за скромность и устроила ему овацию. Потом он честно пояснил любопытному, в чем дело.

Сколько знаю, его любили все, кто с ним трудился. Когда Гафуров ушел с поста директора Института востоковедения, коллектив однозначно высказался за назначение Кима. Отделение истории Академии тоже было настроено в его пользу. Но шел месяц за месяцем, а он оставался «и.о.», его кандидатуру наглухо заблокировали в Отделе науки. За него ходатайствовали многие. Я добился заверения Русакова о поддержке, но, не слишком ему веря, пошел к Зимянину, курировавшему идеологию. Михаил Васильевич, побывав в редакторах «Правды», был прост в обращении, даже чуть бравировал мнимой принадлежностью к журналистской братии. Никакие мои доводы его не брали. Сначала увертывался, валил на кого-то «наверху», потом все-таки выложил причину — он кореец, а на востоковедении должен сидеть русский. Я позволил себе несколько резких выражений, после чего он заявил, что таким тоном не разговаривают с секретарем ЦК. И припомнил мне позднее.

В конце концов нашли хорошего директора — Евгения Максимовича Примакова. Он сам был в дружеских отношениях с Кимом и постарался смягчить нанесенную ему обиду. Георгий Федорович не был карьеристом, но тяжело пережил очевидную несправедливость. Боюсь, эта история ускорила его кончину.

Не менее колоритной личностью был Степа Сафарян. Даровитый экономист, быстро нашел признание у себя в республике. Цепкий прагматизм, эта обязательная черта профессиональных финансистов, сочеталась в нем с натурой глубокой и романтической. Он любил интеллектуальные споры, знал множество стихов и хорошо их читал.

На своем веку я встречал немало людей с такой же «двойной ориентацией», но они как бы отгораживались друг от друга — одна для дела, другая для развлечения. Вероятно, самый заверченный образец подобного раздвоения — Анатолий Иванович Лукьянов. Квалифицированный юрист, питающий страсть к поэзии. Мы с ним были в дружеских отношениях до августовского путча, я был официальным оппонентом на его докторской защите. Анатолий рассказывал о собранной им коллекции голосов поэтов, записанных на грампластинки и пленки. Во время долгого сидения над Конституцией 1977 года (на даче Управления делами ЦК КПСС в Серебряном Бору) сочинял остроумные эпиграммы. Одну из них посвятил мне.

Геorgию Хосроевичу Шахназарову

*Шах и Назаров —
близнецы-братья.*

Оба Конституции нужны до зарезу:

Без Шаха увяла бы демократия,

Без Назарова — не хватило бы трезвости;

Без Шаха — всё обязательность и долг.

Без Назарова — Конституция как без ног.

А без Шаха — свалилась бы ее голова.

Резюмирую:

Дела наши не хороши и не плохи.

Голова не знает, куда несут ноги.

После печального отрезка своей жизни Лукьянов раскрылся перед публикой как лирический поэт Осенев. Но ничто из его поэтического мироощущения не проникало в отделенный, видимо, непроницаемой перегородкой юридический отсек. Здесь не было места сентиментам, царил холодная бесстрастная логика чеканных формул. Степан же все старался как-то совместить прозу с поэзией, облагородить скучную материю денежных знаков и торговых рядов. Когда я ездил в Ереван на премьеру своей пьесы «Тринадцатый подвиг Геракла», он показывал возведенный по его замыслу огромный рынок, с гордостью обращая внимание не столько на обилие снеди на полках,

сколько на художественные изыски в архитектуре и оформлении.

В один из своих приездов в Москву пригласил меня в армянский ресторан «Арарат» на Неглинной, за шашлыком поделился грандиозным планом преобразовать это заведение в шедевр национальной культуры с имитацией величественных красот Армении, картинами из древней истории, подлинными хачкарами (каменные глыбы, на которых в средневековье вырубались крест, орнамент, поминальные тексты), живописными полотнами, подвешенной, словно на горном выступе, эстрадной площадкой, миниатюрным ботаническим садом и другими чудесами. Ресторан-музей, ресторан-выставка, посетители которого, вкушая земную пищу, одновременно получали бы эстетическое наслаждение.

— А чем кормить там будут? — приземлил я своего увлекшегося друга.

— Разумеется, севанской форелью, доставляемой прямо с самолета, — отмахнулся он, — я назову его «Ахтамар».

Так называется стихотворение Аветика Исаакяна, которое он любил декламировать. Степа не дожидаясь воплощения своей мечты. Может быть, в Москве построят шикарный армянский ресторан, только вряд ли в его залах будет витать возвышенный романтический дух.

Самым молодым в нашей компании был Рауф Мунчаев, олицетворение «горского» характера — независимый в суждениях и поступках, немногословный, верный слову и кунацким привязанностям. Способный археолог, он смолоду участвовал в экспедициях и привез оттуда немало ценных находок. Мы подшучивали: Мунчаев опять за горшками отправился.

Жить на природе полезно, но в центре столицы куда веселее. Мы ликовали, когда появилась возможность переселиться. Правительство, откликаясь на настойчивые просьбы Академии, передало в ее распоряжение вполне приличную по тем временам гостиницу на улице Горького в квартале от Белорусского вокзала. Нас разместили по двое в чистеньких номерах с умывальником и телефоном, в коридоре — туалет и душ. В Удельном мы обитали в отдельном домике, не было возможности заводить светские знакомства. Здесь вместительное шестизэтажное здание было густо заселено молодыми людьми из всех городов и весей Союза. Вся эта многоязычная орава с утра до вечера перемещалась по гостиничным коридорам, устраивала посиделки, крутила любовь, рыскала в поисках пищи и развлечений. Случались драки и скандалы с вызовом милиции, но в целом среди постояльцев «Дома для приезжающих ученых» преобладали

люди законопослушные и не торопившиеся вылететь из вожденной аспирантуры.

В период моей учебы в Университете у меня не было того, что принято называть счастливой порой студенчества. Слишком скоропалителен был срок, да и большей частью заполнен корпением над учебниками. Теперь я получил возможность испытать это состояние. Трудисься как вол, забот полон рот, а спроси, как жилось, первое слово просится на язык — беззаботно. Должно быть, изюминка в том, что ты сам себе хозяин. По крайней мере, за исключением обязаловки (заседания сектора, партбюро, сдача зачетов), волен провалиться полдня в постели, читая сногшибательный роман, фланировать в компании по «московскому Бродвею», играть в шахматы или карты, отправиться в поисках приключений в сад «Эрмитаж» или (и) напиться до чертиков.

Кстати, однажды так и получилось. У меня вкоонец износились брюки, пришлось потратиться на новые. Тут как раз подоспела стипендия, и друзья вызвались меня сопровождать. Выбрали какой-то диковинный вариант того самого цвета, какой был у лошади Д'Артаньяна. Естественно, решили обмыть, и все, наверное, обошлось бы чинно, если б на свою беду не наткнулись на Ефимова. Узнав, в чем дело, он с энтузиазмом к нам присоединился и взял инициативу в свои руки, сообщив, что знает одно подходящее местечко, где кормят вкусно и недорого. Этим местом оказался ресторан гостиницы «Москва». Оттуда мы еще вышли в приличном виде, но ненасытный Ефимов потащил в какую-то забегаловку у Главпочтамта, затем в пивнушку на площади Пушкина, которую в народе звали «Бар Бадаева». Где-то с полдороги я перестал соображать, хотя, как уверяли самые стойкие на следующее утро, не буянил, а только спал на ходу. Лишь однажды, много лет спустя, повторился со мной такой пассаж. Слава Богу, зеленому змию не подвластен.

После того, как Ефимова услали в Сибирь, возлияния случались, но вполне цивилизованные. Времяпрепровождение в гостинице отличалось чересполосицей, как в «Республике ШКИД». То на всех нападает вирус творчества: кто сочиняет поэму, кто гнет спину над рефератом, кто строит статейки для радио, приносящие неплохой заработок. Трудовой порыв сменяется картежным загулом, дни и ночи напролет продолжается резня в очко. Неукоснительно соблюдается правило: выигравший в обязательном порядке ведет наутро в ресторан, где каждый волен выбирать, что душе угодно. Миша Мелконян, бедняга, отчаянно проигравшись, решил хоть частично возместить понесенный ущерб и заказал столько, что две недели

потом болел желудком. У него я, кстати, занимал костюм, идя на свидание.

Был у нас и свой Федерико (по Мериме) – Меджид Эффендиев. Наделенный от природы живым умом, но безгранично избалованный матерью, которая души в нем не чаяла, он категорически не признавал необходимости трудиться. Поднимался к полудню, занимался туалетом как заправский светский дэнди, не спеша поглощал изысканный обед в «Баку» или каком-нибудь другом близлежащем ресторане, наносил визиты знакомым дамам. Все это было прелюдией к «ночной жизни» – Меджид либо исчезал, либо садился за карты. Играл цепко, жестко, беспощадно и почти всегда выигрывал. Остальные злились, даже подозревали, что он нечист на руку, но уличить не могли. Я думаю, секрет был не в мошенничестве, а в особом игроцком таланте – памяти на вышедшие карты, интуиции, способности по выражению лица партнера, промелькнувших на нем радости или огорчения, угадать, сидит он с воделенной «двадцаткой» или недобрал до несчастной «казны» (семнадцать очков).

Спустя годы, когда я работал в аппарате, Меджид позвонил, попросил помощи. Его выставили за нерадивость из Издательства иностранной литературы, а мама уже вышла на пенсию, не в состоянии была содержать отпрыска. Я его пристроил в какое-то другое издательство.

Sic transit gloria mundi. Тогда же, выпотрошив скудное содержимое наших карманов и нацепив цветастый галстук, Меджид царственным жестом приглашал нас спуститься в «Якорь». За рестораном на первом этаже гостиницы сохранились прежнее название и даже национальный профиль. Здесь готовили традиционные блюда еврейской кухни – эсик-флейш, росл-флейш, селедочный фарш и т.д. Ходили ли сюда московские старожилы-евреи, не знаю, а для «приезжающих ученых» ресторан стал просто дорогой столовой. Официанток звали по именам, они тоже к нам привыкли, любили поболтать «за жизнь». А уж Меджида, щедро на чаевые, принимали как принца.

Кто только не закахивал в «Якорь». Там я познакомился с Тиграном Петросяном, заглянувшим навестить земляков. Мигом раздобыли несколько шахматных досок и организовали сеанс одновременной игры. Знаменитых посетителей, приезжавших навестить своих детей или племянников, встречала сама Алла Генриховна – дородная директриса, обладавшая навыками надзирательницы в пансионе благородных девиц. Однажды наша компания, заявившись домой в середине ночи, нашла двери гостиницы запертыми. Безуспешно в нее побарабанив, мы пробрались во двор, рыскали лестницу и приставили ее к своему, третьему этажу, благо окна на галерее были отворены. Один

за другим начали восхождение. Неожиданно является разбуженная Алла Генриховна и берется за лестницу, словно намереваясь сбросить нас на землю. «В следующий раз, – заявила она своим зычным голосом, – сброшу, милицию звать не буду». Мы дружно заверили, что следующего раза не будет и вообще вернулись так поздно со свадьбы. «Знаю я вас!» – проворчала директриса, но смилостивилась. Потом у нас с ней установились хорошие отношения, несмотря на грозный вид, она оказалась добрым человеком.

Надо сказать, при всех особенностях национального характера, о чем теперь так любят рассуждать, наша многонациональная братва мало чем отличалась в житейских склонностях от «средневзвешенных» жителей столицы. Любили погулять в парке Горького, Сокольниках, саду «Эрмитаж». Посещали концерты Утесова, представления ансамбля Моисеева и «Березки». Самым большим праздником были для нас футбольные матчи на стадионе «Динамо». Не такой уж я заядлый болельщик, а все-таки старался не пропустить ключевых поединков: ЦСКА-Динамо-Спартак, в особенности же со всякими заезжими из-за рубежа командами. Тут главное было в неповторимом ощущении единения с огромной массой людей, ожидание «события» забитого на твоих глазах, вроде бы с твоим участием, гола и раздающегося затем победного рева.

Я все говорю о своих друзьях, но «Якорь», наряду с малыми «общинами», жившими своим уставом, был и общим домом для поселенцев. Собирались собрания, избиралось самоуправление, прорабатывали нарушителей порядка, скидывались для совместного проведения праздников. К этим формализованным связям добавлялись стихийные, основанные на душевном тяготении. Одному парню из Узбекистана отец регулярно посылал яблоки и орехи. Ими питались, сидя на мели. Ким, опубликовав очередную статью, звал к себе на сабантуй чуть ли не весь этаж. Так же употребил и я свой первый гонорар, полученный за статью в журнале «Государство и право» (отчет о конференции в Институте). За несколько дней до стипендии, когда были исчерпаны все ресурсы, напрашивались в гости к аспиранткам. Более бережливые, девушки распределяли свои доходы на месяц, к тому же им не приходилось платить за ухажеров в кино или ресторане. Они попеняют, мол, ухаживать вы мастера за другими, а кормиться к нам, но чая и бутербродов с маслом для голодающих товарищей не пожалеют. Учение и развлечение отнимали много времени, но надо было и подрабатывать. Неожиданно у меня появился источник «левого» дохода. Привязался знакомый паренек из Института народного хозяйства: сдай за меня зачет по английскому. Я ему: «Ты что, рехнулся, это же подсудное дело!» «Не бойся, я экстерник, меня там никто не

знает». Пообещал сотнягу, я соблазнился. Сдал за первый курс, через пару месяцев за второй. И чуть не влип. Слишком легко и быстро справился с заданием, преподавательница восхитилась, сказала, что хочет рассказать обо мне на кафедре, там собираются ставить на английском любительский спектакль. Кое-как отговорившись, я навсегда зарекся от «левых» заработков.

Все эти невинные и «винные» забавы не мешали мне продвигаться к кандидатской диссертации. Правда, возникали некоторые шероховатости в отношениях с научным руководителем. Мария Павловна Карева занимала видное место среди тогдашних правоведов, была человеком широких взглядов, отзывчивым на новизну, и все же с каким-то внутренним сопротивлением принимала мой уклон в запретную, по существу, неведомую у нас политологию. Юристы-нормативисты принимали ее за научный коммунизм, философию, социологию, в общем нечто не относящееся к юриспруденции. Спустя три десятка лет при обсуждении на Ученом совете Института моей кандидатуры в члены-корреспонденты Академии Михаил Соломонович Строгович пытался меня «зарубить» на том основании, что я вообще не юрист. Выступал явно по наущению кого-то из моих соперников. Большинство не приняло всерьез его аргументов, тем более что за несколько лет до этого тот же Ученый совет присудил мне степень доктора юридических наук. Но любопытно, что маститые правоведы не понимали (не хотели понять): теория политики — не что иное, как философия права, преподававшаяся в таком качестве еще в средневековых университетах. Не сознавали и того, что, отмежевываясь от политологии, юриспруденция теряет часть исконной «территории», притом самую ценную своей связью с властью.

Впрочем, в то время все это выглядело не так отчетливо, да и Мария Павловна не посягала на мою индивидуальность, лишь деликатно обращала внимание на то, что, по ее опасениям, могло вызвать неодобрение у членов Ученого совета. Все, однако, обошлось, я получил 10 белых и 2 черных шара.

К тому времени я уже работал в Издательстве, но с Институтом так или иначе был связан всю жизнь. В 1969 г. защитил перед его Ученым советом докторскую диссертацию, здесь же был избран президентом Советской ассоциации политических наук,

Сведения об авторе

ШАХНАЗАРОВ Георгий Хосроевич — член-корреспондент Академии наук СССР и Российской академии наук, лауреат Государственной премии СССР

в течение нескольких лет возглавлял на общественных началах сектор политологии. Из собравшихся в нем молодых людей почти все сделали успешную научную карьеру. Вильям Смирнов заступил меня в руководстве сектором и участвует во всевозможных правительственных комиссиях в качестве авторитетного эксперта. Анатолий Ковлер удостоен представлять Россию в Европейском Суде по правам человека. Юрий Батулин был моим сотрудником в аппарате Президента СССР, перешел вместе со мной в Фонд Горбачева, побывал в помощниках российского президента и неожиданно взлетел в «небеса», став первым в мире космонавтом-политологом. Илья Шаблинский подвязается в Думе.

Вот немногие, кого я мог бы назвать своими учениками. Если, конечно, они не возражают.

Судьба в некотором роде физически соединила меня с Институтом, когда после перемены нескольких мест жительства я окончательно осел на Староконюшенном переулке, в десяти минутах ходьбы от особняка на Знаменке. Изредка приглашают поучаствовать в заседаниях Ученого совета, когда защищается «вериимпортантная персона», например, Иван Петрович Рыбкин, бывший тогда спикером Думы. Бывая в Институте, заглядываю в комнаты, где прошла молодость и толпятся теперь незнакомые люди. Редко-редко встретишь кого-нибудь из «бывших», похлопаем друг друга по плечу, осведомимся взаимно о здоровье. Захожу к директору Борису Николаевичу Топорнину. Он настоит попить с ним чаю, в который раз предложит пойти главным научным сотрудником — жить стало туго, лишние тысяча-полторы не помешают.

Не хочется получать деньги ни за что, как милостыню. Проживем как-нибудь. В Институт я в конце концов все равно вернусь. С членкорами принято прощаться в актовом зале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бурлацкий Ф.М.* Вожди и советники. М., 1990. С. 22.

REFERENCES

1. *Burlatsky F.M.* Leaders and advisers. M., 1990. P. 22 (in Russ.).

Authors' information

SHAKHNAZAROV Georgy Kh. — Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences and the Russian Academy of Sciences, Laureate of the USSR State Prize